

НАТАЛЬЯ ГОРБАЧЕВА

ПУШКИН

*и прекрасная
Натали*

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г67

Дизайн обложки *Милены Козловой*

Горбачева, Наталья Борисовна.
Г67 Пушкин и прекрасная Натали / Наталья Горбачева. —
Москва : Издательство АСТ, 2025. — 480 с. — (Любовь
кумиров).

ISBN 978-5-17-176309-1

Наталью Николаевну Пушкину подозревали в преступной связи с Дантесом и Николаем I, обвиняли в гибели мужа, упрекали в бестактности и излишней кокетливости. Но действительно ли она была такой? Личность первой красавицы Москвы окутана тайной.

Общество расколосось: одни ненавидели Наталью Гончарову, другие боготворили ее ум, красоту и изящество. Так почему же случилась та роковая дуэль? Какие обстоятельства к ней привели, можно ли было ее предотвратить?.. Не оказался ли Дантес пешкой в чужой игре?

Эта книга — нашумевшее исследование жизни и любви великого поэта и его прекрасной жены, наполненное историческими материалами и проливающее свет на реальные события той эпохи.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-176309-1

© Горбачева Н.Б., 2025
© ООО «Издательство АСТ», 2025

Чистейшей прелести
чистейший образец...
(Жене Пушкина)

ТАЙНА НАТАЛЬИ НИКОЛАЕВНЫ

Миф о жене Пушкина как о бездушной красавице, погубившей в расцвете таланта величайшего русского поэта, оказался дорог многим поколениям исследователей, а вслед за ними — миллионам читающей публики... Здравый смысл в ее оценке был потерян давно, еще на заре научного пушкиноведения. Как-то невольно любой, кто ценит Пушкина, рано или поздно уязвляется мыслью: из-за Натали поэт стрелялся и погиб! Если б не она...

«Я должен был на тебе жениться, потому что всю жизнь был бы без тебя несчастлив», — признавался сам Александр Сергеевич жене в одном из писем. И таких признаний — множество. Почему народная молва все-таки не верит поэту? Отчего прижились мнения, подобные выраженным в стихотворении «На Н.Н. Пушкину»:

*Не смыть ей горькими слезами
С себя пятна,
Не отмолиться ей мольбами,
Жалка она.*

В противоречивом взгляде на Наталью Николаевну есть какая-то удивительная тайна! Попробуем-ся, благосклонный читатель, вместе разгадать ее.

Подсказка, кажется, в словах самой Пушкиной: «Позволить читать свои чувства мне кажется профанацией. Только *Бог и немногие избранные* имеют ключ от моего сердца»; дочь Натальи Николаевны Александра Арапова подтверждает в своих воспоминаниях ту же мысль: «Она была христианка в полном смысле этого слова. Грубые нападки, язвительные уколы уязвляли неповинное сердце, но горький протест или ропот возмущения никогда не срывался с ее уст».

Сама Наталья Николаевна не оставила ни дневников, ни воспоминаний. Не найдены ее письма к Пушкину. От природы она была молчалива и весьма сдержанна в проявлении своих чувств. Ее сдержанность поощрял и муж. При этом правильные выводы о ее уме и характере сделать было непросто. Действительно, кто из современников, встречаясь с модной, признанной красавицей двух столиц Натальей, заглядывал в глубину ее души? Кто, вспоминая о ней, по достоинству оценил то величайшее терпение и смирение, с которыми она принимала все удары судьбы, начиная с самого младенчества? Только Бог и немногие избранные, к которым, несомненно, принадлежал Пушкин. Он писал жене: «...а душу твою люблю больше твоего лица». Серьезное признание, однако исследователи вновь и вновь позволяли себе не соглашаться с поэтом, полагая, очевидно, что душа Натальи Николаевны — плод поэтического воображения Пушкина. Более понятной и привлекательной для изучения всегда считалась первая часть знаменитой его фразы: «Гляде-

лась ли ты в зеркало и уверилась ли ты, что с твоим лицом ничего сравнить нельзя...» (письмо Пушкина к жене от 21 августа 1833 года).

Красота Натальи Николаевны была необыкновенна, привлекала к себе чрезвычайный интерес и при дворе могла бы стать огромной силой, но не стала, сдерживаемая душой благородной и возвышенной.

Но толпе праздных было угодно отнять от видимой красоты невидимую душу и загнать трагедию в знакомую схему: красавица без удержу кокетничала, имела огромный успех, явный и тайный, любила балы, влюбилась в красавца Дантеса и... «погиб поэт, невольник чести».

Так еще при жизни Мадонна Пушкина превратилась в бездушную красавицу. А поскольку «ропот возмущения никогда не срывался с ее уст», то досужие вымыслы в конце концов породили стойкий миф.

Не слышали Пушкина, который с чуткостью гениального поэта охарактеризовал свою Мадонну: «Чистейшей прелести чистейший образец».

«Ангел мой женка!» — звучат в Вечности слова признательности и любви первого поэта России к ее первой красавице. «Благословляю вас: тебя и детей! Христос с вами!»

Достаточно намеков. Теперь, благосклонный читатель, за дело! Насколько возможно теперь, начертаем всеохватную картину простой и ясной, в сущности, жизни Натальи Николаевны Гончаровой-Пушкиной-Ланской, украсим ее портретом

галерею замечательнейших женщин своей эпохи, почерпнем из ее биографии уроки самоотвержения и стойкости, терпения и любви, в которых мы, жители третьего тысячелетия, нуждаемся всё более и более...

Наталья Горбачева

Глава первая

ФАМИЛЬНЫЕ САМОРОДКИ

Воспоминания о гончаровских миллионах

Родителями Натальи Николаевны Пушкиной были Николай Афанасьевич и Наталья Ивановна Гончаровы — фамилия по тем временам неизвестная. Семья пустила глубокие корни в конце XVII века в старинном русском городе Калуге. Документы сохранили в числе калужских посадских людей имена «горшешников» Ивана и его сына Абрама, имевших гончарную лавку. Отсюда и пошло прозвище, а потом и фамилия.

Потомок этих «горшешников» Афанасий Абрамович Гончаров нажил огромное состояние, которое оценивалось после его смерти в три с половиной миллиона рублей. Началось с того, что Петр Первый обратил внимание на крестьянина-самородка, отличавшегося гениальной предприимчивостью. Петр в те времена создавал русский флот и решил завести в России заводы по производству отечественных парусов. Под покровительством царя Афанасий Гончаров основал свой первый завод, в дальнейшем открывая всё новые и новые фабрики. Их продукция пользовалась спросом не только в России, но и за границей. По преданию, весь английский флот того времени ходил на «гончаровских» парусах. Завел Гончаров и бумажное производство: бумага его фабрик считалась лучшей в России.

В семейном архиве сохранился автограф Петра, писанный из Голландии, в котором он уведомляет Гончарова, что нанял там и высылает ему мастера, опытного в «усовершенствовании полотен», и если выговоренная плата покажется Афанасию Абрамовичу слишком высокой, то он готов половину принять на счет царской казны. Известно, что в каждом важном случае Гончаров свободно обращался к царю за наставлением и добрым советом. После смерти Петра I дочь его императрица Елизавета продолжала покровительствовать Гончарову. Она пожаловала ему чин коллежского асессора, дававший право на потомственное дворянство. Екатерина II подтвердила это право специальным указом, выданным уже внуку Афанасия Абрамовича Афанасию Николаевичу, деду Н.Н. Пушкиной. Именно он сумел промотать миллионы и после смерти оставил полтора миллиона долгу.

Предчувствуя, что потомки не сохраняют богатство, предусмотрительный Афанасий Абрамович превратил полотняный завод и бумажную фабрику в майорат, то есть в неделимое имение, которое должно было передаваться старшему в роде и не подлежало продаже и залогу. Майорат стал называться Полотняным Заводом. Со смертью отца, став полновластным властелином имения, Афанасий Николаевич сбросил обузу дел на руки управляющим и стал заботиться лишь о том, как пышнее обставить свою жизнь, как придумать новую неизведанную забаву. Сокровища, накопленные до него, казались неистощимыми. Гончаровская охота славилась чуть не на всю Россию, а оркестр из крепостных, обученный выписными

маэстро, мог бы занять почетное место в столице...

Дом в Полотняном Заводе, построенный без особых архитектурных затей, размерами напоминал настоящий дворец. Афанасий Николаевич еще надстроил его, богато и на широкую ногу отделал внутри. Из описи обстановки того «богатого периода» гончаровской жизни ясно: владельцы ни в чем себе не отказывали. В комнатах стояла мебель, отделанная бронзой и инкрустацией, висели люстры фарфоровые и из венецианского стекла, дорогие сервизы и фамильное серебро с инициалами Афанасия Николаевича были подаваемы к столу хозяев и гостей.

Парк вокруг дворца был разбит на аристократический лад: гrotы, беседки, статуи украшали его тенистые аллеи. В оранжереях выращивали заморские фрукты: ананасы на пирах были свои, не привозные. При конном заводе, где выводили породистых лошадей, при Афанасии Николаевиче был построен огромный, великолепный, прямо-таки царский манеж, в котором устраивались конно-спортивные праздники. Толпы гостей съезжались на показы выездки лошадей, выдрессированных берейторами, которых приглашали из-за границы.

Пиршества и празднества, продолжавшиеся иногда по месяцу и более, следовали один за другим. В доме управлялись до трехсот слуг и другой челяди. Зимой Гончаровы жили в Москве в собственном доме и вели такой же безрассудный образ жизни.

Афанасий Николаевич был женат на Надежде Платоновне, урожденной Мусиной-Пушки-

ной. Все затеи мужа еще покрывались доходами с заводов и имений (а их насчитывалось до 75), но серьезные испытания для семьи Гончаровых были уже при дверях. Тяжелый недуг обрушился на Надежду Платоновну: она сошла с ума. Вместо того чтобы остепениться, Афанасий Николаевич с юношеской необузданностью предался сладострастию. Его порывы более не сдерживались никем и ничем.

Когда очередная красавица-любовница совершенно завладевала его сердцем и волей, Афанасий Николаевич ничего не жалел для малейшей ее прихоти. Но посреди романа вдруг появлялась на горизонте другая, и он охладевал к первой. И тогда, чтобы сбыть ее с рук, отписывал ей дом в Москве или крупную вотчину, подкупал жениха для старой любовницы, одновременно пуская в ход всё для оболъщения новой. Чем намеченный предмет был или притворялся недоступней, тем сильнее разжигалась страсть и соблазняющие жертвы принимали все более крупные размеры. Дома и имения если не раздаривались, то продавались за бесценок в минуту нужды. Из крупного оборотного капитала постоянно делались заимствования, что ослабило мощь фабрик. Очень скоро объемистые, из дотканного полотна, туго набитые золотом мешки, которые челядь привыкла видеть в кабинете владельца, исчезли.

У Афанасия Николаевича был единственный сын Николай. Еще совсем юношей он встретил в аристократических гостиных Наталью Ивановну Загряжскую, прославленную своей редкой красотой, и влюбился в нее со всей страстью первой

любви. Брак их, суливший столько счастья, был скоро заключен к радости обеих семей. Но об этом «счастье» речь впереди.

Баронесса Ульрика Поссе

Загряжские очень гордились как знатностью своего происхождения, так и влиянием при дворе. Дед Натальи Ивановны, Александр Артемьевич Загряжский, был женат на внучке последнего независимого гетмана Малороссии. При присоединении этого края к России царь Алексей Михайлович дал на прокормление знаменитому вождю запорожцев обширную волость под Москвой — село Ярополец Волоколамского уезда.

Дядя Натальи Ивановны, утонченный вельможа екатерининских времен, красавец, был женат на Наталье Кирилловне Разумовской, дочери гетмана. В начале XIX века она была известна всему великосветскому Петербургу оригинальностью своего ума и непреклонностью воли. Наталья Кирилловна была настоящим кладом ценных исторических воспоминаний, из которого не уставал черпать Пушкин, породнившись с ней через Наталью Николаевну.

Несчастное происхождение Натальи Ивановны содержало зародыш тех страданий, которые принесла ей замужняя жизнь.

Отец ее Иван Загряжский, молодой блестящий офицер, служил в гвардии и среди распущенного общества был герой, отличаясь необузданными выходками, которые сходили ему с рук. Во избе-

жание больших зол его женили на баронессе Строгановой — в надежде, что ее крупное состояние поправит расшатанные дела, а влияние умной добродетельной жены остепенит повесу. Ничуть не бывало. Свалившееся на него приданое только развязало руки: картежная игра превратилась в настоящую страсть. Через несколько лет совместной жизни Иван Загряжский отвез жену с детьми в принадлежащий ему Ярополец, поселил их в только что отстроенном под наблюдением Растрелли прекрасном дворце, а сам вернулся к веселой холостой жизни, лишь изредка и ненадолго навещая семью.

Тем временем полку Загряжского выпала продолжительная стоянка в Дерпте (нынешний Тарту), лифляндские бароны радушно встречали русских офицеров: балы и обеды не прекращались в окрестных замках. На одном из пиров у самого гордого, богатого и влиятельного барона Липгардта Загряжский увидел его красавицу дочь, слышную самой завидной невестой того края. Красавица Ульрика к тому времени была уже разведена со своим мужем, бароном Морисом фон Поссе, имела от него малолетнюю дочь. Никакой интрижки быть не могло: Ульрика была воспитана в строгой нравственности, в другой вере, в недоступном кругу. Загряжский открыл наступление по всем правилам амурной науки. Опытный ловелас влюбил в себя молодую женщину и беззастенчиво обратился к отцу ее с официальным предложением. Ни один из его легкомысленных товарищей не проговорился о том, что Загряжский уже был женат.

Отказ тем не менее последовал — в вежливой, но категорической форме. Барон Липгардт закрыл

Загряжскому доступ в свой дом, а дочери запретила даже думать об отверженном претенденте. Но Ульрика была из тех натур, которые если любят, то до конца. Когда полк должен был выступить обратно в Петербург, молодая баронесса не смогла решиться на вечную разлуку и сдалась на милость победителя. Милость его была горше смерти. Баронесса бежала из своего дома, от отца. Подкупленный священник обвенчал ее в скромном православном храме с чужим мужем.

Навсегда покинув Дерпт после рокового шага, новобрачная написала отцу, умоляя его о прощении, описывая всю силу их обоюдной любви и терзания, причиненные ей его, отца, непреклонным решением. Барон даже не ответил на эту мольбу, а через приближенного уведомил, что баронесса Липгардт умерла для него и всей его родни и потому дальнейшие извещения об опозоренной авантюристке будут совершенно излишни.

Барон Липгардт свое слово сдержал: отношения были прерваны раз и навсегда. Характерно в этом смысле письмо Натальи Николаевны своему второму мужу П.П. Ланскому от 29 июня 1849 года: «...В своем письме ты говоришь о некоем Любхарде и не подозревая, что это мой дядя. Его отец должен был быть братом моей бабки — баронессы Поссе, урожденной Любхард. Если встретишь где-нибудь по дороге фамилию Левис, напиши мне об этом потому, что это отпрыски сестры моей матери. В общем, ты и шагу не можешь сделать в Лифляндии, не встретив моих благородных родичей, которые не хотят нас признавать из-за бесчестья, какое им принесла моя бедная бабушка. Я все же хотела бы

знать, жива ли тетушка Жаннет Левис, я знаю, что у нее была большая семья. Может быть, случай представит тебе возможность с ними познакомиться».

«Тетушка Жаннет Левис» — это та самая дочь баронессы Ульрики Поссе от первого брака, которую она навсегда оставила, уехав из дома, на попечение своих лифляндских родственников,

Оттого, что баронесса поняла: к прошлому возврата нет, она тем сильнее привязалась к своему легкомысленному супругу, который теперь один должен был заменить ей всё. Но достоверно известно, что из многочисленных романов Ивана Загряжского самым скоротечным было увлечение так нагло обманутой молодой женщиной Ульрикой Поссе. По прибытии в Петербург он понял, что не может ввести в круг своих знакомых вторую жену при живой первой: богатые Строгановы не простили бы такого низкого поступка. Выдать обманутую жертву за любовницу он тоже не мог, опасаясь мести возмущенной немецкой знатной родни Ульрики. Загряжский поступил так, что мудрее не придумаешь в подобной ситуации. Очевидно, хорошо изучив добрую натуру своей законной жены, он привез к ней в Ярополец беременную баронессу. Надо полагать, что до этого момента она не подозревала, что обманута. Но присутствие при душевизирующей встрече двух девочек-подростков и мальчугана — сына Загряжского открыло ей глаза на происходящее. Баронесса поняла, что жизнь ее окончательно и бесповоротно разбита.

Загряжский не собирался ничего объяснять, решив, что «бабье это дело, сами разберутся». Приказав перепрячь лошадей, даже не взглянув на хо-

зайство, допустив только приближенную дворню к руке, он простился с женой и укатил в обратный путь. Его расчет оказался верен: великодушное христианское сердце законной супруги приняло в свои недра новые страдания. Одного поверхностного взгляда ей было достаточно, чтобы оценить всю чистоту души соперницы и измерить глубину горя, сломившего ее молодую жизнь. Грех мужа обнаружился перед законной женой во всей своей неприглядности, и она решила загладить его по мере сил. Почти вдвое старше обманутой женщины, она окружила ее поистине материнской лаской, и только благодаря ее постоянному уходу Ульрика могла выдержать тяжелую болезнь, вызванную роковым ударом. Через несколько месяцев она родила дочь, названную Натальей.

Пережитое горе в чуждой стране подкосило здоровье баронессы Поссе — в тридцать лет красавица умерла.

О ее красоте в семейных преданиях существует необычное свидетельство. Однажды случился пожар в Зимнем дворце. Вызванным войскам было поручено спасать только самые ценные вещи из горевших апартаментов. Один офицер, проникший в комнаты фрейлины Екатерины Ивановны Загряжской (сестры Натальи Ивановны), был поражен стоявшей в комнате миниатюрой, изображавшей обаятельную женскую головку в напудренном парике. В дворцовой конторе при сдаче вещей выразили удивление, почему именно этот «маленький ничтожный предмет» спас офицер.

— Да взгляните хорошенько! — воскликнул тот. — И вы поймете тогда, что я не мог оставить